

УДК 811.161.1:821.161.1

И. Д. Шульга

СИСТЕМА ОППОЗИЦИЙ В РАССКАЗЕ А. ГРИНА «ФАНДАНГО»
И ИХ ИГРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Исследуется инвертирование центральных смысловых оппозиций рассказа – север – юг, пальма – сосна. Выявляется ведущая роль интертекстуального взаимодействия как средства формирования оппозиций. На материале сопоставления текстов А. Грина «Фанданго», М.Ю. Лермонтова «На севере диком...» и Г. Гейне «Ein Fichtenbaum» доказывается, что скрытая языковая игра А. Грина основывается на использовании автором мультязыкового анаграмматического кода. Выявляется скрытая семантика рассказа, определяемая игровыми проекциями писателя в собственное творчество.

This article explores the inversion of central meaning oppositions in the short story: north-south, palm-fir. The author emphasises role of intertextual interaction as a means of opposition formation. The comparison of A. Grin's "Fandango", M.Yu. Lermontov's "In the wild north...", and H. Heine's "Ein Fichtenbaum" is used to prove that A. Grin's implicit language game is based on a multilingual anagrammatic code. The article examines the implicit semantics of the short story based on the writer's game projections into his own works.

Ключевые слова: А. Грин, М. Лермонтов, смысловые оппозиции, анаграмма, интертекст, межязыковой анаграмматический код, языковая игра.

Key words: A. Grin, M. Lermontov, oppositions in meaning, anagram, intertext, interlinguistic anagrammatic code, language game.

В основе рассказа А. Грина «Фанданго» (1927) лежит ряд оппозиций, среди которых центральной является «север – юг». Север представлен зимним, холодным, заснеженным Петербургом 20-х гг., юг – испанским народным танцем фанданго, прибытием делегации из Испании во главе с Бам-Граном и переходом повествователя Александра Каура через картину в Зурбаган. Характер соотношения противоположных членов оппозиции «север – юг» и ряда других, связанных с ней, неоднозначен. С одной стороны, они противопоставлены, с другой – постоянно перетекают друг в друга.

А. Грин – писатель, отличительной особенностью которого выступает изощренная техника письма. Ее основные признаки – игровое обращение с языком вплоть до использования мультязыкового анаграмматического кода, сложные приемы интертекстуального взаимодействия, наличие скрытого базового уровня семантического кодирования и системы собственно языковых приемов текстопорождения.

Тема фанданго настолько важна для Грина, что он вынес название танца в заглавие рассказа. Остановимся подробнее на описании мелодии: «Немного отвернув лицо взад, вполголоса он [дирижер] говорил оркестру: “Фанданго!” При этом энергичном, коротком слове на мою

голову ложилась нежная рука в латной перчатке, — рука танца, стремительного, как ветер, звучного, как град, и мелодического, как глубокий контральто» [3, с. 348]. Структура этого описания, содержащая три сравнения, иконически отображает ритм фанданго, размеры которого 3/4 или 6/8 [1]. Кроме того, эти сравнения описывают три составляющих фанданго: 1) танец; 2) музыка (гитары) и отбивание ритма кастаньетами или хлопками рук — *palmas*; 3) пение.

При описании фанданго Грин использует метафору: на голову героя ложится «рука танца». Сравнение фанданго с рукой основывается на игровых межъязыковых соответствиях. Исп. *palmos* обозначает отбивание ритма хлопками рук в народных танцах; исп. слово *palma* является многозначным. Оно обозначает «ладонь, кисть руки» (откуда и развилось значение «хлопки руками»). Лексема может означать и руку целником, но оно же обозначает и растение — пальму. Полисемия испанского *palma* наследует многозначность латинского *palma* («ладонь» и «пальмовая ветвь»), где многозначность развивалась на основе метафоры, фиксирующей сходство пальмового листа с растопыренной ладонью [6, с. 553]. Таким образом, рука танца — это пальма, которая является символом юга. Трехступенчатое сравнение фанданго с ветром, градом и контральто тоже служит цели проявления оппозиции «север — юг». В силу того что ветер находится в постоянном движении, он может соединять между собой противоположные локусы. Слово *град* омонимично, и Грин явно играет этим. Град — это, во-первых, старославянское название города, во-вторых, вид ливневых осадков, выпадающих в виде частичек льда в теплое время года. Также слово *град* может обозначать дробную множественность и использоваться в словосочетании «град аплодисментов». Слово *аплодисменты* восходит к латинскому *applaudere* — «рукоплескать» [9, с. 81]. Здесь соединяются *град* и *palmas* в обоих отмеченных значениях. Сравнение мелодии фанданго с контральто очень значимо. Контральто — это низкий женский голос, который охватывает два регистра: головной и грудной [1]. Слово контральто состоит из двух корней: *contra* («противоположный») и *alto* («высокий»). У Грина голос прямо назван низким. Здесь оппозиция «верх — низ» отсылает нас, во-первых, к анатомическому строению человека — противопоставление головы и груди (при исполнении фанданго рука «ложится» герою на голову), во-вторых, наслаивается на оппозицию «север — юг» (если взглянуть на географическую карту, низ будет находиться на юге, а верх — на севере), а в-третьих, углубляет параллель «человек — дерево».

Развертывание и одновременно снятие оппозиций происходит в стихотворении, которое рассказывает Александру Кауру испанец Бам-Гран:

На севере диком, над морем,
Стоит одиноко сосна.
И дремлет,
И снегом сыпучим
Засыпана, стонет она.

Ей снится в равнине,
В стране вечной весны,
Зеленая пальма... Отныне
Нет снов иных у сосны... [3, с. 366].

Оно представляет собой парафраз стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum» и его перевода М. Ю. Лермонтовым «На севере диком...». Везде присутствует противопоставление дерева, растущего на севере (у Гейне — ель, у Лермонтова и Грина — сосна), южному дереву — пальме. У Гейне исходно это противопоставление служит аллегорическому изображению любовного чувства мужчины к женщине, что поддерживается грамматическим родом слов *Ein Fichtenbaum* (мужской род) и *Einer Palme* (женский род). Заданный Гейне параллелизм дерева и человека находит свое дальнейшее развитие у Грина. Кроме того, у Грина происходит инвертирование оппозиции «север — юг», а соответственно, «сосна — пальма».

Признак сна характеризует сосну (ель) во всех трех стихотворениях. Слово *сосна* омофонично предложно-падежной форме со сна, что усиленно обыгрывается Грином. Две последние строчки, присутствующие только в стихотворении Бам-Грана, делают игру слов исключительно проявленной. Она поддерживается также и сюжетом рассказа, ибо повествование начинается с описания утра: «Я оделся, вышел; было одиннадцать утра, холодно и безнадежно светло» [3, с. 348]. У Гейне пальма растет в Моргенланде [10], то есть в стране рассвета (на востоке), Лермонтов передает это словами «в том крае, где солнца восход...» [4, с. 128]. В стихах Грина подобной детали нет, а в его рассказе утро, рассвет наступает в Петербурге, то есть Моргенланд находится не на юге, а на севере, не на востоке, а на западе. Соответственно, и сосна заменяется пальмой. Так, в самом начале рассказа говорится: «Однако далеко до весны, и тропический узор замороженного окна бессмысленно расстилает прозрачный пальмовый лист» [3, с. 345]. Южное растение пальма как бы перемещается на северо-запад России.

В рассказе Грина в скрытом виде присутствует уподобление людей деревьям. Это, в частности, доказывает анализ имен собственных. Фамилия героя-повествователя Каур — это анаграмма слова *рука*, то есть *palma*. Эта метаморфоза поддерживается в рассказе и другими средствами, например, в следующем описании: «...прошло несколько времени, пока я толкался на мраморной лестнице, украшенной статуями, и пил в буфете чай, сидя за стеклянным столом под пальмой, — ранее в помещении этом был зимний сад» [3, с. 362]. Здесь герой и пальма пространственно соотносены. Грин играет также на многозначности выражения зимний сад. С одной стороны, это «сад зимой», а с другой — отапливаемое помещение, где растут растения, в том числе и тропические, которые в открытом грунте не только зимой, но некоторые и летом, не выжили бы. Следовательно, зимний сад подспудно является и летним, и южным. Однако реальный Летний сад в Петербурге зимой превращается в зимний сад (сад зимой), хотя и летом в силу отсутствия тропических растений не дотягивает до настоящего зимнего сада. На

скрытое присутствие Летнего сада указывают в описании Грина статуи, а также сама процедура чаепития: Летний сад известен своими скульптурами и находящимся в нем Чайным домиком [1].

Имя Бам-Грана тоже имеет скрытую семантику и может рассматриваться как анаграмма двух немецких слов: *baum* («дереву») и *morgen* («утро»). Таким образом, Бам-Гран — это «утреннее дерево». У Гейне деревом, символизирующим утро, служит пальма, у Грина же утро двойственно, так как рассвет в рассказе наступает в северном Петербурге. Соответственно, Бам-Гран одновременно и сосна.

Гейневское Моргенланд буквально обозначает «восток», то есть страну, где восходит солнце. Грин, в свою очередь, играет на созвучии слов рассветать и расцветать. В стихотворении Бам-Грана упомянут не восток, а «страна вечной весны». Это отличие очень значимо. Весна ассоциируется с появлением зелени и цветением. У Грина пальма названа зеленой, что на первый взгляд кажется семантически избыточным, но это позволяет усилить признак весны и в то же время задуматься о цвете северного дерева. Поскольку сосна является вечнозеленым растением, она тоже символизирует вечную весну. Признак цветения и зелени одновременно скрыт в трехступенчатом сравнении «рука танца, стремительного, как ветер, звучного, как град, и мелодического, как глубокий контральто». Условно сложив слова ветер и град, мы получим слово вертоград — устаревшее название плодового сада, в котором мог быть цветник [9, с. 301]. Отметим также, что слово *фанданго* — пароним названия реки Фонтанка. Река протекает у Летнего сада и получила свое название от фонтанов, которыми он изобиловал [2, с. 11]. Созвучие названия реки с названием испанского танца служит мощным средством инвертирования оппозиции «север — юг».

Во всех трех стихотворениях сосна дремлет. Это слово этимологически родственно англ. *dream* — «сон, мечта». Все произведение Грина построено по принципу иллюзии, сна. В последней главе выясняется, что у Александра Каура есть жена — Елизавета Антоновна Каур, к которой он и возвращается. Повествователь Каур (то есть рука, *palma*) как бы просыпается в другой реальности (он буквально со-сна). В стихотворениях Гейне, Лермонтова и Бам-Грана дерево встречается с деревом, мужчина — с женщиной. Фамилия жены тоже Каур (рука, *palma*). Отчество Антоновна игровым образом может быть разбито на две части: греч. *anthos* «цветок» и *нов-* «новый», что в сумме дает «новый цветок» и связывает героиню с весной и цветением-расцветом. Имя же Елизавета игровым образом может быть соотнесено со словом Элизий. В античной мифологии это страна мертвых, царство теней, которое находится на западе и в котором царит вечная весна [5, с. 52]. Таким образом, страна вечной весны Бам-Грана перемещается из Моргенланда (с востока, из страны, где солнца восход) в вечернюю страну, на запад. Иными словами, происходит снятие оппозиции «север — юг», «запад — восток» и одновременно «жизнь — смерть».

Показательно, что в конце рассказа уже сам Александр Каур рассказывает стихотворение, представляющее собой дальнейшее изменение рассмотренных выше стихов:

В равнине над морем зыбучим,
Снегом и зноем полна,
Во сне и в движенье текущем
Склоняется пальма-сосна [3, с. 398].

В этом стихотворении в каждой строчке противоположные по значению слова становятся контекстуальными синонимами, что делает его на первый взгляд бессмысленным. Однако в первой строчке на самом деле снимаются оппозиции «верх — низ», «сухость — влажность», «земля — вода»; во второй — «снег — зной», то есть «зима — лето»; в третьей — оппозиция сна (неподвижности) и бодрствования (движения). В четвертой же — дерево прямо названо пальмой-сосной.

В отмеченных игровых трансформациях лежит в том числе желание писателя закодировать свое присутствие в рассказе. Фамилия писателя Гриневский образована от Гринь, уменьшительной формы имени Григорий [8, с. 183], которое производно от греч. *grēgore'ō* «бодрствовать» [7, с. 105]. Следовательно, Гриневский — тот, кто бодрствует, не спит, он не со-сна и со-сна одновременно. Псевдоним писателя Грин созвучен с англ. *green* «зеленый». Писатель Грин вечен, потому что, будучи бодрствующим, то есть со-сна, он вечнозеленый. Моргенланд, страна вечной весны и зелени, соответствует Гренландии (буквально с дат. «зеленая страна»). Название этого острова резко контрастирует с тем, что он находится на крайнем севере и покрыт массивным ледовым щитом [1]. Игровые проекции писателя в собственное художественное творчество составляют внутренний нерв рассмотренных трансформаций и определяют скрытую семантику рассказа «Фанданго».

Список литературы

1. *Википедия* : свободная энциклопедия : [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 17.03.2014).
2. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда. Л., 1985.
3. Грин А. С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 5.
4. Лермонтов М. Ю. Полное собр. соч. : в 10 т. М., 2000. Т. 2.
5. Тахо-Годи А. А. Аид // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 51 — 52.
6. Нарумов Б. П. Большой испанско-русский словарь. М., 2006.
7. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 2005.
8. Унбегаун Б-О. Русские фамилии. М., 1995.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986. Т. 1.
10. Heine H. Buch der Lieder. Hamburg, 1827.

Об авторе

Инга Денисовна Шульга — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.
E-mail: shulga-inga@mail.ru

About the author

Inga Shulga, PhD students, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: shulga-inga@mail.ru